

В. А. Тишков

ОБ АНТРОПОЛОГИИ КАК ДИСЦИПЛИНЕ В РОССИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В России, как и в других странах бывшего СССР, этнология (этнография) оказала и оказывает огромное воздействие на общество, включая государственное устройство, идеологию и политику. Этнография имеет постоянную позитивную миссию в отношении *а)* содействия сохранению преемственности человеческого опыта и знаний (из этнографических трудов современный человек черпает очень многое – от хозяйственных, врачебных и кулинарных рецептов до стилей музыки и украшений), *б)* удовлетворения запросов людей в обращении к культуре своей группы с целью поддержания или конструирования своей групповой идентичности (этнографические работы содержат сведения о “происхождении”, “родстве”, культурных героях и прочем багаже групповой памяти), *в)* просвещения человека относительно культурных различий и культурного многообразия мира (этнографы просвещают не только посетителей музеев, но и искателей экзотики, т.е. они удовлетворяют людскую любознательность).

Гораздо более противоречив, однако, послужной список этнографии в отношении взаимодействия с политикой, ибо *а)* наша наука по своей природе националистична, она придает преувеличенную значимость – или, можно было бы сказать, характер “эксклюзивной” значимости – тому, что является лишь одной из форм идентификации человека (этнокультурные отличия), и принижает роль других групповых форм социально-культурной идентификации человека (по государству, религии, местному сообществу и т.д.), *б)* в качестве одного из “соавторов” отечественная этнография помогла реализации советского проекта строительства этнонаций и способствовала так называемым национальным движениям периода распада СССР и последующего времени, *в)* постсоветская этнография ставит барьер на пути восприятия России как национального государства и признания не только гражданско-политической, но и историко-культурной общности россиян как единого народа или нации.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что этнографы способствовали многим позитивным действиям политиков и управленцев, сообщая об угрозах малым культурам или обществу в целом и высказывая рекомендации относительно защиты меньшинств, противодействуя нетерпимости и ксенофобии.

Сегодняшняя общественная миссия этнологии (этнографии) гораздо более выразительна, чем это было в СССР, в связи с *а)* ростом интереса к культурной специфике и возможностей ее выражения (этнотуризм, этнографическое краеведение, создание истории малых сообществ и групп и т.д.), *б)* возможностями политической мобилизации населения по этническому принципу, *в)* тенденциями использования групповой этнической солидарности в конкуренции за ресурсы и социальное продвижение, *г)* возрастающей этнокультурной сложностью населения и потребностями более эффективного управления, *д)* возможностями содействовать предотвращению насилия и конфликтов.

В период горбачевской либерализации встречались случаи осуждения “центральной” этнографии со стороны радикально-националистической интеллигенции из числа бывших советских меньшинств, но в целом отечественная этнография имеет гораздо более добротную общественную репутацию, по сравнению с некоторыми другими гуманитарными дисциплинами. Необходимо также отметить, что в России был период увлечения этнологией (этнографией) вплоть до введения обязательного учебного курса во всех вузах, что привело к росту когорты неопитов, поверхностных учебных текстов, противоречивого по своим результатам вторжения в этнологическую тематику представителей других наук (философии, психологии, политологии).

Для современной России (в отличие от некоторых других стран, где также хорошо развита этнографическая дисциплина) характерен нормотворческий (предписательный)

энтузиазм ученых-этнографов при высокой компетенции в области "исторической традиции" и при слабой политической просвещенности и ограниченном знании устройства других многоэтничных стран. Только российские (и другие постсоветские) этнографы могли отстаивать сохранение графы "национальность" в паспортах граждан. Только они могут обучать детей тому, что значит быть "настоящим татаринном" или "настоящим осетинном", ибо этнографии россиян для них не существует.

Говоря о стереотипах этнографии, этнологии или антропологии в обществе, следует сказать, что в сегодняшних условиях устойчивых стереотипов не существует. Понятие "антрополог" воспринимается сугубо в смысле физической (биологической) антропологии. Романтический образ Н.Н. Миклухо-Маклая как "русского среди дикарей" почти забыт, зато появляются "этнографы" из числа богатых русских и обслуживающий их стиль "этно". В телевизионной игре "Последний герой" россияне воспринимают жителей Карибских островов как первобытных "туземцев", а последние, в той же мере, воспринимают россиян как "дикарей".

Относительно проблемы проникновения этнографического знания в более широкую общественную сферу можно сказать, что в области образования, например, научные этнографические знания получили достаточно широкое распространение. Этнографические труды пользуются большим спросом среди представителей нерусских народов, особенно в российских республиках. В последние годы растет спрос на популярные публикации об обычаях и традициях русского народа, и такие публикации распространяются все больше и больше. Не меньший интерес проявляется к этнографической "экзотике" внешнего мира. Либерализация общества и возможности выезда и путешествий за пределы страны породили интерес к далеким "племенам", "народам-каннибалам" и даже к поиску народов, еще не вступавших в контакт с цивилизацией.

Вопрос о формальном и реальном статусе дисциплины достаточно сложен. Статус этнологии (этнографии) определен государственной классификацией наук как статус дисциплины в рамках исторической науки. В последние годы конституирована специальность "социальная антропология", но на деле государственный образовательный стандарт здесь представляет собой смесь социологии и социальной философии. Социально-культурная или культурная антропология не имеет официального статуса в России. Реальный же статус (академическое реноме) российской этнологии (этнографии) и физической антропологии достаточно высок, причем не только в России, но и за рубежом. Но среди социально-культурных антропологов российские ученые "блистают" своим отсутствием.

По поводу иерархии исследовательских областей в общем пространстве этнографии/этнологии/антропологии как дисциплины можно сказать, что на первом месте была и остается историческая этнография групп, за ней следуют физическая антропология, этносоциология (изучение этничности социологическими методами), межэтнические взаимодействия ("межнациональные отношения"). Снизился интерес к этническому картографированию и к этнодемографии, однако возрос интерес к этнопсихологии (кросскультурной психологии). В отечественной традиции до сих пор имеется сильная фольклористика, но преимущественно в рамках филологии. Блестящая по своим успехам лингвистическая антропология пребывает в рамках исторической лингвистики. Изучение социальной организации ослабло, а политическая антропология набирает силу.

Наконец, размышляя об отличительных чертах этнографического стиля работы в российском обществе, нельзя не отметить, что больше, чем какая-либо другая национальная (!) школа, российская этнология (этнография) строится на историко-документальном материале, выездной полевой работе ("летняя этнография") и на чисто этнографическом нарративе. "Теория" существует отдельно от нарратива как схоластическое построение без этнографических примеров и сравнений. Примеры сразу же разрушат теорию этноса, ибо не известно, где кончаются русский, украинский, татарский, американский, английский, французский и другие этносы в "узком смысле" и где они начинаются в "широком смысле", как не известно и то, какие этносы живут, например, в Испании или в странах Карибского бассейна.

Что касается главной отличительной стилиевой черты, то это до сих пор сохраняющееся преобладание специализации по группе, а не по проблеме.